

Алеся Казанцева
Режиссёр сказал:
одевайся теплее,
тут холодно

УДК: 821.161.1-9

ББК 84(2)6

К 14

В книге использованы
фотографии из личного
архива автора.

К 14 Казанцева, Алеся

Режиссёр сказал: одевайся теплее, тут холодно. — Москва: Лайвбук, 2019. —

608 с. илл.

ISBN 978-5-907056-26-8

Перед вами сборник рассказов Алеси Казанцевой, которая однажды приехала в Москву на недельку и осталась навсегда. Которая один раз заскочила на киностудию и больше оттуда не вышла. Которая была очень одинока и поэтому начала писать в Интернете свои рассказы о жизни и работе вторым режиссером на съемках фильмов, сериалов и рекламы. Она стала признанным автором в Интернете: сначала в «Живом Журнале» под именем Алеси Петровны (ее блог входил в топ-3), потом на «Фейсбуке» (более 55 000 подписчиков).

Известные режиссеры хотят экранизировать ее истории, Юлия Меншова называет их неизбежным счастьем, а Яна Вагнер завидует тем, кто по какой-то причине их еще не читал. Семен Слепаков считает Алесю Казанцеву феноменом российской литературы XXI века, а режиссер Авдотья Смирнова — своим кумиром. Теперь все лучшие и новые тексты Алеси Казанцевой собраны под одной обложкой.

УДК: 821.161.1-9

ББК 84(2)6

© Алеся Казанцева, 2019

© Владимир Сахнов, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство «Лайвбук»,

оформление, 2019

ISBN 978-5-907056-26-8

АЛЕСЯ КАЗАНЦЕВА

РЕЖИССЁР
СКАЗАЛ:

ОДЕВАЙСЯ
ТЕПЛЕЕ,
ТУТ ХОЛОДНО

Москва
2019

**LIVE
BOOK**

Фото Михаила Хаустова

25 ДЕК.

2005 г.

САМАЯ ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Болезнь очень плохо. Очень плохо, нерезультативно и одиноко. Болезнь в практически все еще чужом для тебя городе плохо вдвойне. Нет ни одного телефона, на который можно было позвонить своим простывшим голосом. Более того... Нет ни одного телефона, который бы я помнила наизусть... Если только свой рабочий и мобильный...

Думала, что стану первым случаем в России этой самой редкой пневмонии, которую все так боятся сейчас, но слава обошла меня стороной...

21 дек.

2005 г.

МОЙ ПЕРВЫЙ РАЗ

Чистая, как стекло, Красная площадь. За рулем черного ЗИСа сидит человек в военной форме и фуражке с кокардой, крутит ручку радиоприемника. А на заднем сиденье Берия. Только если принюхаться, то понятно, что Берия уже успел сбегать к кинобуфету и погреться.

Я на площадке — помощница помощника помощницы. Делаю все, что скажут, и то, о чем не просят. Всем очень мешаю.

На Васильевском спуске пританцовывает съемочная группа. Уже кричат: «Пишем дубль, рассвет уходит! Тишина на площадке! Мотор!»

Куранты: «БОМ! БОМ! БОМ!..»

Режиссер: «Стоп... Ждем куранты».

Куранты: «Бом».

Режиссер: «Пишем дубль! Тишина на площадке! Мотор!»

Церквушка захихикала колокольчиками.

Режиссер: «СТОООП!..»

Рассвет: «Я ухожу».

Режиссер: «Начали!»

Берия промчался по площади в нахлобученном каракулевом воротнике, мазнул смоляными шинами бульжники, и даже успел окатить холодным взглядом всю съемочную

группу. Особенно задержался на буфете. Там грелась мас-совка. Берия завидовал.

Следующая точка съемки — библиотека имени Ленина. С неба сыплется влажность. Шарфы моментально мокнули и повисают грузом, прилипают и колются. Непромокаемые куртки дубеют и хрустят. Выворачиваешь карманы, а оттуда дождь. Тебе жить с мокрой обувью еще как минимум восемь часов. Противно. Даже тошнит. И НИКУДА не денешься. Терпишь. Прекращаешь подпрыгивать от холода. Если прыгать, из швов ботинок брызгает вода. В голову лезут совершенно дурацкие детские стишки про Танечку, про то, чтобы она не плакала, и как по лужам скачет мяч. И ты понимаешь, что это самые омерзительные стихи про лужи, что мяч, наверное, ужасно круглый и красный, с белой полосой вокруг себя и пахнет резиной. И ты на всякий случай вспоминаешь, как в детском саду Максим Мухортов не дал тебе этот мяч. Столько лет прошло, а ты помнишь его фамилию. Встречу — убью!

В театре самые важные персонажи — пожарные, в любой деловой организации — курьеры. На съемочной площадке — стопроцентно водители микроавтобусов. У них есть ключи от мест, где печки и длинные мягкие сиденья. Ты готова разгадывать с ними ужасный кроссворд («Селезень кряквы, пять букв» — «САМЕЦ!»), слушать о том, как полетела шаровая опора, и где они стояли в пробке. Скрючившись в мокрой куртке на заднем сиденье, понимаешь, что настоящее счастье — это немой массажист.

На следующий день по площадке разносят кофе в пластиковые стаканчиках. Пока доносят от буфета, половина расплескивается, но освободившееся место в стакане тут же занимает дождь. Ты сама выбрала эту работу. Ты зачем сюда пришла? Терпи.

— Что тебе принести? Кофе, чай?

— Пистолет.

Оператор не может «пристреляться» к точке. Дождь усиливается. Места в автобусах заняты. Массовка ест бесплатные мокрые бутерброды. Массовка всегда самая жадная и беспринципная часть съемочной команды. Ее не любят, не пускают греться в автобусы и чаще отправляют делать это в метро. Массовка платит той же монетой и иногда ворует.

К актерам, одетым в костюмы милиционеров, подходят приезжие и интересуются, как пройти в музей восточных искусств. Поскольку актеры приехали полгода назад покорять столицу, они ничего не знают про музей, гости столицы негодуют по поводу необразованных милиционеров. Актеры начинают злиться и, пользуясь костюмами, проверяют у прохожих документы.

Совершенно некстати вспоминаешь стишок: «Дождик льется с потолка мне на спину и бока. На полу не видно луж, все ребята любят душ». Оператор все еще «пристреливается». И тогда вспоминаешь еще одну вещь. Вернее, реплику из фильма «В бой идут одни старики». Механик говорит молодому летчику: «А знаешь, что самое тяжелое в нашей работе?» — «Мотор починить», — улыбается ему в ответ находчивый юнец. «Нет, самое тяжелое в нашей работе, сынок, это ждать». Мы ждем оператора под проливным дождем. Название мужчины, который ведет себя, как бородатое и рогатое животное, пять букв.

Снимали пять дней, был совместный проект с англичанами. Кстати, в главной роли снимался Дэниэл Крейг, который через несколько лет станет Джеймсом Бондом. Кто бы мог тогда подумать, что этот невзрачный типок будет суперагентом.

Стереотип, что в Англии живут джентльмены. Такая же ерунда, когда Англию называют «туманным Альбионом». Про нее так раньше говорили, потому что в лондонских домах стояли каминьы. Когда они разом начинали дымить, над городом повисал густой туман. Сейчас у них там цен-

тральное отопление и даже газ. Так что туман давно в прошлом. А про джентльменов я сейчас расскажу.

Продюсер Майкл Н. решил путешествовать поездом. Майкл боится самолетов, но никому в этом не признается. Путешествовать на поезде модно и экологично. Майкл — старик, не знает русский язык, и большой чудак. Мне дали очень ответственное задание: взять Майкла около гостиницы, посадить в машину и отвезти на ж/д вокзал. Там довести до поезда, посадить в купе и дожидаться отправления. Короче, проследить и удостовериться, чтоб не сбежал. А он мог. Потому что уже было один раз такое. Нашелся в Бангладеше через неделю.

Стало понятно, что будут проблемы, когда я увидела улицу около гостиницы. Была глухая пробка. Люди бросили машины. Пока ждали микроавтобус для Майкла, он успел сбежать куда-то и принести пять чемоданов. Микроавтобус не мог вывернуть из соседнего переулка час. Майкл таскал откуда-то сумки. И когда стало понятно, что он уже опаздывает на поезд, оставалось только одно — ехать на метро. Я сказала ему об этом, он обрадовался и принес еще пакеты.

Я чувствовала, что мне доверили что-то невероятное ответственное, типа провести языка через линию фронта и сдать в командный пункт. Одну сумку даже несла на голове, руками тащила остальное. Быстро, очень быстро. Майкл шел впереди и фотографировал метро, он был в восторге. Пропихнув все это английское через турникеты, протащив по переходам и эскалаторам, затолкав в вагон, я испытала редкостное желание впитаться джентльмену в горло. За всю дорогу он не потрудился даже спросить, не тяжело ли леди с красным лицом. Я даже думала бросить его там. Все равно через недельку-другую всплыл бы в каком-нибудь Парагвае.

Всю дорогу боялась, что Майкл начнет предлагать чаевые. А я тогда жутко обижусь и скажу ему: «НУУ!»

А он скажет, что русские женщины — они самые красивые. А я тогда вспомню стишок про коня и избу.

Выпнула Майкла и его багаж как раз к нужному вагону. Затолкала в купе, он сказал: «Алиша, дозвиданья».

И все. Никакого спасибо. Он хотел ехать на поезде, хотя вся группа благополучно улетала на самолете. Майкл плохо спит в самолетах, а в вагоне можно отлично переночевать.

«Скажите, он иностранец?» — спросила молоденькая проводница.

«Да».

«Может быть, у него есть какие-нибудь особые требования или просьбы».

Соблазн был слишком велик. Я стерла пот, проглотила сладкие слюны в сухое горло и сказала: «Это Майкл. Он хочет увидеть Россию. Поэтому путешествует на поезде. Просил передать, чтобы вы его будили каждые два часа. Даже если станция не очень красивая».

Проводница улыбочиво кивнула и поезд тронулся. Майкл выглянул в окно и помахал рукой.

До свидания, Майкл. Спокойной тебе ночи.

18 июл.
2005 г.

Лёля

Вообще-то она не Леля, а Оля. Я отбила ее во втором классе. Когда класс вели в филармонию, мне всегда категорически не хватало пары. Мы с Таней перетягивали Лелю за руки из стороны в сторону: «Она со мной пойдет! Я первая ее увидела!!!» — «Нет, со мной! Зато я первая подошла!» Так я добыла себе подругу на всю жизнь. Таня была лучше меня, хорошо училась, умела ставить челку лаком. Спасло то, что Леля влюбилась в Женю. Кучерявого блондина с голубыми глазами, ясной улыбкой и ямочками на щеках. Помните, когда только начали появляться одноразовые шприцы, то мальчики приносили их в школу, чтобы на переменах стреляться водой? Шприцы считались большим дефицитом. Моя мама работала врачом. Через нее я доставала шприцы и считалась в классе очень крутой. Перед школой звонила Жене и говорила, что оставляю в кабинете литературы в ножке последней парты шприц, а он вместо него туда же положит любовную записку для Лели. Он был согласен на все ради такого.

Один раз Лельчик захотела поцеловаться с Женей, схема с партой тут не работала. Женя сказал, что поцелует меня в щечку, а я ее. Так состоялся их первый поцелуй.

Лельчик любила Женю всегда. А Женя ее тоже любил, ну конечно любил, только у него катастрофически заканчивались то шприцы, то вкладыши от жвачки, то деньги. За одну записку он хотел уже три шприца. И тогда я придумала, что Женю надо приворожить. Это делается просто. Берется сырое яйцо, обматывается нитками и зарывается под окном любимого. Сама рецепт придумала. Леле понравилась идея. Женя жил на первом этаже, в окне все время торчала его бабка. Она плохо ходила, поэтому гуляла так, локтями по подоконнику. Мы не могли приворожить жениха на глазах старого человека. Поэтому моей задачей было позвонить и убежать, а пока бабка идет до двери и обратно, Лельчик должна быстро закопать яйцо. Главное, чтобы не глубоко, иначе приворот начнет действовать не сразу.

Прошла неделя, а суженый так и не появился. И тогда я придумала, что яйца надо закапывать по десять штук каждый день. Чтобы уж наверняка подействовало. Через несколько дней бабка начала сатанеть и звереть, она материлась на каждый дверной звонок, но шла.

Я не предусмотрела в рецепте приворота только одно: все ж таки яйца надо варить. Потому что было лето, и через неделю под окнами Жени стояла невероятная вонь. Бабке пришлось прекратить свои прогулки на локтях, она стала закрывать плотно окна, а мы еще несколько дней закапывали приворот, пока мама не выдрала Лельчика за пропажу яиц. Вот если бы не это, я вам точно говорю, что еще пара недель — и Женя не просто прибежал в объятия Лельчика, а вовсе бы съехал с квартиры, потому что жить бы там стало невозможно.

Сегодня мне пришло от Лельчика письмо: «А помнишь Женю? Вчера встретила его на улице. Какой-то немый

и пьяный. Попросил 100 рублей. Говорит, что зайдет в гости и отдаст».

Видимо, приворот все же действует.

Один раз бабушка из деревни прислала леща. Мой папа съел тело, а нам отдал голову. Грызли ее с подругой Лельчиком на пару, сидя на лавочке во дворе. Обсосали, как могли. Потом стало скучно, мы начали кидаться рыбьей головой через гараж. Пришли мальчишки из соседнего двора, отобрали голову и начали ее пинать. Мы посчитали, что это зверство. Очень женское занятие: сначала жрать поедом, а потом жалеть. Мы с Лельчиком весь вечер проплакали над головой леща, у которого глаза от пинков смотрели в разные стороны и было выедено пол-лица.

Решили похоронить его достойно, с почестями. Рядом с домом строился банк, и там мы нашли небольшой кусочек мрамора, напоминающий по форме могильную плиту. Я вспомнила, что на кладбище видела на плитах фотографии умерших и вырезала из календарика овальный портрет золотой рыбки. А чтобы фотография не испортилась, покрыла ее прозрачным лаком для ногтей.

Мы нашли укромное место, вырыли ложкой могилку, обложили ее стеклышками от битых бутылок и погрузили остатки усопшего. Бросили по горсточке земли и сверху поставили монумент. Каждый вечер приносили ему цветочки. Стояли над могилой со склоненными головами и скорбным видом.

Через месяц мы решили более основательно навестить покойного и раскопали могилу. Он все также смотрел в разные стороны и не мог понять, когда же от него отвяжутся.

22 июл.

2005 г.

Когда учительница спросила: «Ребята, как вы считаете, кто из нашего класса не достоин стать октябренок?», все замолчали. У нас был классный час, и все знали, что чем меньше на нем выступаешь, тем быстрее отпустят домой. Но я так никогда не думала. Потому что готовилась стать настоящим октябренок. Я готовилась отдать сердце Ленину, очень серьезно к этому относилась. Поэтому подняла руку и сказала: «Я! Я не достойна стать октябренок». — «Как, Алеся? Почему?» — «Потому что я не люблю помогать маме по дому, не делаю уроки сама, а когда была еще в детском саду, то украла из аквариума рыбку». (Месяц разрабатывала план и выкрала ее во время тихого часа.)

Учительница тут же поставила в пример всему классу. Вот, вот какой надо быть честной. Берите пример, будущие октябрюта. Молодец, Алеся, садись! На следующий день в октябрюта меня не приняли.

Это случилось позже, когда через полгода на внеочередном собрании меня объявили позором класса. «Во всех классах нет такого, чтобы ребята не стали октябрютами, а у нас вон она — сидит. Ее даже на физкультсоревнования не берут, потому что только октябрюта могут быть смелыми и ловкими ребятами». Меня и правда никуда не брали, я страдала жутко, потому что жизнь коллектива проходила мимо.

НАШ КЛАСС

$S = \frac{1}{2}$

Октябрюта поставили вопрос ребром: либо мы, либо она. Меня приняли, и я довольно быстро пошла по карьерной лестнице. Просто все одноклассники уже целых полгода были октябрютами, а я только начинала. Им надоело, они расслабились, запустили общественную работу, стенгазета выходила нерегулярно. Я же взялась за дело. На классных собраниях торчала только моя рука, готовила политминутки, клеймила двоечников и честно сдавала тех, кто не моет руки перед столовой. Меня мечтал побить весь класс. Когда учительница поняла, что скоро доберусь и до нее, то поручила руководить целой октябрютской звездочкой. Она правильно рассчитала, что теперь все силы будут брошены на организаторскую работу. Помните, в каждой звездочке был свой вожак, санитарка, дежурный по переменам, механик? В моей звездочке санитаркой была Таня. Однажды во время дежурной недели она пришла без косынки и сумочки — забыла дома. А у санитарки просто обязана быть сумочка, белая, с красным крестом. Внутри зеленка и бинт. Если кто-нибудь из октябрют поранится и станет истекать кровью, то санитарка обязана оказать первую помощь. И вот как-то Таня забыла сумочку дома... Я помню, что кричала: «Ты бы еще голову забыла!» Ведь так всегда говорили учителя, когда учащиеся забывали дома учебник или картон для урока труда. Таня ревела, а я трясла ее за октябрютский значок: «А если сегодня разобьется кто-нибудь, упадет на перемене, пробьет себе голову?! Что, что мы будем делать?!?!» Школьный медпункт или городскую службу скорой помощи я никогда не брала в расчет. Потому что октябрюта сами должны справляться с трудностями. На следующий день Танина мама позвонила моей маме и извиняющимся тоном говорила, что Таня, конечно, была не права и ей даже выпалили за это дома, но можно Алеся будет чуть помягче...

Еще каждая санитарка должна была проверять у всего класса руки перед столовой. Когда дежурила наша звездоч-

ка, то Таня, как правило, оставалась без обеда. Начинаясь большая перемена, и ребята из нашего класса приходили в столовую не собранно, не строем, как моя звездочка. Таня стояла у дверей, проверяла руки опаздывающих и видела, как я, дожевывая котлету, слежу за ней. Конечно, я понимала, что каждый октябренок обязан правильно питаться, и ситуация с Таней меня не устраивала. Чувствовала, что ей надо помочь. Поэтому на внеочередном классном собрании, которые во время дежурства нашей звездочки устраивались каждый день, я клеймила позором неорганизованных ребят и показывала на Таню, которая была белая, как ее сумка.

Таню спасло то, что потом нас приняли в пионеры. Когда учительница спросила: «Ребята, как вы считаете, кто из нашего класса не достоин стать пионером?», все замолчали. Хотя на этот раз они уже точно знали, кто не то чтобы не достоин, а кого ни в коем случае брать не надо. Но у нас был классный час, и все знали, что чем меньше на нем выступаешь, тем быстрее отпустят домой. Но я так никогда не считала. Потому что готовилась стать настоящим пионером. Хотела еще раз отдать сердце Ленину, очень серьезно к этому относилась. Поэтому подняла руку, а учительница внимательно посмотрела на нее, не заметила и сказала: «Завтра сбор в девять». По моей руке, взметнувшейся в воздух, она, наверное, поняла, что я сейчас не то чтобы признаюсь недостойной и даже предложу сжечь себя на пионерском костре на глазах всей школы, а попросту предложу не принимать в пионеры весь класс, поименно докажу, почему так надо сделать, и даже внесу предложение об исключении из партии самой учительницы.

Знаете, все изменилось в один день. Пришла первого сентября в шестой класс и вдруг увидела, как у девочек выросли титьки. Это сломало меня. Никогда не подозревала, что такое может произойти с пионерами. Ведь у меня тоже

выросло. Я думаю, что даже Ленин, которому я два раза пыталась втюхать сердце, тоже бы удивился.

Если бы не отменили коммунизм, то стала бы комсомолкой. Я бы и в третий раз отдала сердце даже не задумываясь. Была бы партийной, ходила на собрания. Но нет, не изобличала бы как прежде, нет. Будучи в партийной ячейке, я бы занималась тем, что укрывала людей от коммунизма. Прятала бы их, что ли, не знаю, как сказать. Я бы предпочла строить коммунизм в одиночестве, не затрудняя никого, не заставляя, например, женщин замешивать бетон, и всех бы отпускала пораньше с работы. Просто титьки сделали меня человеком. Женщиной. А женщина должна быть доброй.

18 июл.
2005 г.

ШЕНЬКА

Воздух еще синий, звезды выключились, морозно, а меня везут в садик на санках за веревочку. Мама загораживает весь обзор, зато можно есть снег. Потом двери садика открываются, и в нос бьет резкий горячий запах гороховой каши. И сразу хочется домой. Домой, домой, домой... И глаза начинают щипать слезами. Стоишь посреди раздевалки крестиком, потому что столько шуб надето, руки в стороны. Мама, конечно, торопится на работу. И глаза от этого еще больше щиплет. «Мама, возьми меня с собой...» Она, естественно, сделает вид, что не слышит. Потому что растит тебя одна, без мужа, но ты не понимаешь, что в этом такого. Поцелует вспотевший лобик с отпечатанной шапкой и как-нибудь так некрасиво пригласит волосы, что сразу хочется отправить ее на работу. Иди уже, иди, предательница...

Когда я была маленькая, то все говорили: «Так нельзя, ты же уже взрослая девочка!» А когда выросла, то все пошли на попятную: «Так нельзя, ты же еще маленькая».

На обед в садике давали очень вкусное: селедку с картошкой. Селедку я ела долго. Смаковала. Облизывала плавники, выедала из головы все мясо до глаз. Хорошо, если достанется хвост. Там мяса больше и плавник большой торчит, можно много соленого сока сосать. Ради этого надо

было первой помыть руки, чтобы успеть сесть к хвосту. Нам так и давали — голова или хвост. Я до школы думала, что селедка именно такая — голова и сразу хвост. Очень компактная рыба, ничего лишнего. А что у нее туловище есть — это только поварам было известно. Может быть, они делились этим секретом с заведующей.

Потом ждешь маму. На площадке пасутся две группы — старшая и младшая. Голову в заборе между прутьями просунешь и торчишь так. Мимо проходят чужие взрослые, явно не мамы из вашего садика. А ты смотришь жалобно, и, наверное, тебя так и хочется забрать. Потому что такой ребенок замечательный торчит.

Даже если будет идти сто взрослых, маму можно различить быстро. Ее сразу видно, хоть она, конечно, не станет бежать и торопиться. От нее не дождешься такого. Обычно будет идти, как нормальная взрослая. Наверное, думает в этот момент: «Как же мне хочется скорее забрать своего ребенка, вот так бы и побежала! Но что я маленькая, что ли? Пусть все думают, что я каждый день ребенка забираю и ничего особенного в этом нет».

Вечером мама начнет рано укладывать спать. Как же не хочется спать вечером! И тогда она станет петь колыбельные. Мама ложилась рядом и говорила, чтобы я закрыла глаза, а я смотрела в потолок открытыми глазами. Лично моя мама не пела про «не ложися на краю». Она пела, что «стоит среди лесов деревенька, жила там когда-то давненько девчонка по имени Женька». Дальше смысл песни такой, что началась война и Женька ушла в партизаны. «В секрете была и в засаде, ее уважали в отряде, хотели приставить к награде». А потом мама замолкала на секунду, я ее толкала в бок, она пела дальше, что «висит фотография в школе, шестнадцать ей было не боле, шестнадцать ей было не боле»... Короче, ее убили, хорошая песня на ночь. Дальше я не помню, потому что на этом месте у меня слезы капали в уши. А сопли

в нос втягивать нельзя, потому что боишься маму разбудить. Я в такой момент представляла, что бегу по лесу с винтовкой и стреляю в фашистов. Они меня, конечно, тоже убьют, как Женьку. Буду еще долго ползти и задыхаться, как сейчас задыхаюсь от соплей. Я так начинала умирать, что даже немножко отодвигалась от мамы — не запачкать бы ее кровью. Хотя, может, немцы и не убили Женьку. Могла же выйти ошибка! Просто она ушла в соседний лес, и зря фашисты понадеялись, что все теперь будет хорошо. Даже портрет в ее школе повесили на всякий случай. Фсем смотреть на убитый русский девчонка!

Утром мама будет долго будить. Ей-то хорошо, она спала, пока ты полночи умирала в лесу с винтовкой. Мама будет натягивать мне колготки прямо под одеялом. Самое ужасное, что родная мама может сделать утром, — разбудить.

Мама будет идти впереди медленно, потащит санки всего одной рукой. От этого они едут немножко кособоко. Совсем стыдно, когда тебя обгоняют одноклассники. Это позор, и ты отводишь глаза в сторону, вроде бы не замечаешь, как они проплывают рядом. Зато можно спокойно есть снег и пялиться по сторонам. Воздух еще синий, звезды выключились и морозно. Хочется домой... Домой, домой, домой! Это ужасно, когда тебя везут в садик. Это невыносимо. Это совершенно безысходная ситуация! И чем ближе, тем больше хочется прыгнуть! Убежать в лес к фашистам! Лучше уж к фашистам, чем так. Печь картошку и есть ее без селедки. Можно ведь даже селедкой пожертвовать ради такого случая!..

...Но вот в нос уже ударил запах горячей гороховой каши, с тебя сняли шарф, и защипали опухшие от Женькиных слез глаза. Она, наверное, в садик не ходила, не редела. А сразу в школу пошла. Потому что смышленная была девчонка. Точно. Иначе никак.

25 июл.

2005 г.

Когда «Ночной дозор» снимали, у меня год не было ни одного выходного.

Несколько раз ловила себя на мысли, что надо все-таки посмотреть новости. Вообще не представляла, что происходит вокруг.

Сон больше пяти часов — роскошь.

Прийти домой вечером — невероятно.

Если приходишь в двенадцать ночи, а в девять утра надо на площадку — это был выходной. Пока снимался фильм, нельзя было спрашивать: «Ты во сколько придешь?». Надо было: «Ты сегодня придешь?».

У меня под столом всегда стояла сумка с набором полярника. Потому что днем готовишь съемку в офисе, а вечером идешь на площадку. А на улице зима-зима. Я переодевалась в офисном туалете. Все по строгой системе: сначала тонкие носки, потом еще одни, потом чуть потолще. Затем тонкие штаны. Еще раз шерстяные носки, чтобы натянуть сверху на штаны — ни щелочки для зимы остаться не должно. Водолазка. Тонкая красная кофта. Толстая синяя кофта. Свитер. Толстовка. Комбинезон. Все должно быть именно в этом порядке, подгоняешь каждую складку, система. Пакуешься в шарф. Шапка.

Наконец, куртка. Перчатки.

Поднимаем воротник!..

Все!

И тут ты понимаешь, что нет... Ботинки не обула, а теперь не согнешься!..

Стоишь, жарко, шапка колется, все эти шкуры снимать, потом надевать, ты потная уже, туалет кафельный, под дверью бегают, зовут... Меня такой псих разбирал в эти моменты!!! Как бы дала!!! Я обувью унитаза била.

Самое страшное: захотеть на площадке в туалет. Потому что — РАЗДЕВАТЬСЯ!?

Мы работали сутками, мы не спали, мы не ели, мы умирали. Помню, конец смены. Снимали на проспекте Вернадского погоню автомобилей. Семь часов утра. Скоро небо порозовеет от солнца, а нам во что бы то ни стало надо успеть до рассвета снять погоню. Потому что если машины мчались до угла ночью, а завернули за него днем, то зритель не поймет.

А мы не успеваем, катастрофически не успеваем! В одном конце улицы стоит Андрей, второй режиссер, по графику должны снимать сцену с карданом. Мотоциклист ныряет под брюхо грузовика и вырывает у него железяку — кардан. А кардана на площадке нет! То есть он есть, но в другом конце улицы. Проспект Вернадского — горами. Почти весь горами, и рация из-за этого не берет. А Андрей стоит и говорит в рацию: «На площадку нужен кардан, принесите кардан...» Вся группа убитая, еле ноги таскает, мысли только о смерти. А Андрей повторяет: «Кардан, кто-нибудь меня слышит, кардан, нужен кардан, на площадку кардан...» Как если бы командир просил патроны.

Андрей — очень крутой. Я поражаюсь, сколько он работает. Подозреваю, что на солнечных батареях, а ночью на аккумуляторах.

Кардан, кардан... На Андрея уже внимания никто не обращает. Какой кардан?! СПАТЬ!!! «Кардан, где кар-

дан... Давайте кардан...» И я понимаю, что если сейчас сама не найду этот кардан, не принесу на эту площадку, то мы вообще отсюда никогда не уйдем и я обоссусь прямо тут. На мне триста кофт, мне жарко, мне холодно, я хочу одновременно в туалет и в кровать, ноги вообще не поднимаются, бум-бум ими, бум-бум... зачем мне это надо... бегом, бегом... еле-еле... в горку... умру... жарко... бум-бум...

Поднимаюсь. Стоит грузовик, кузов открыт, из него торчат карданы. Рядом постановщик в шапке типа петушок ковыряет антенной от рации в ухе. Светлеет, но еще темно. Он приглядывается и видит, что из-за горки наплывает какое-то пыхтящее чмо. На бегу оно кричит, что «мы там ..., а ты тут ..., и если ты не ..., то мы там ..., и какого ... ты здесь, если ..., ..., ..., а ты ..., ..., ... понял, ..., или нет, ...?»

А постановщик в петушке отвечает: «Алесья, куда я потащу эти карданы?» (Ну, он не так сказал, но смысл тот.) «Алесья, куда я потащу их, на машине же надо везти! А водителя нет».

Девочки, кардан — это такая громадная железная труба, длинная тяжелая дура, очень тяжелая. Особенно если от грузовика. По сюжету актер легко должен был брать кардан в руку и трясти им над головой. А поскольку эта дура жутко тяжелая и поднять ее нереально, то бутафоры сделали пенопластовые карданы. Даже если близко смотреть — ни за что не догадаешься! В руки берешь — кило весит, не больше.

А постановщик про это не знал. А я знала. Но не знала, что он не знает. Смотрю на него и думаю, что как бы дала сейчас по его петуху!!! Мне потом рассказывали, что у него был приступ. Он говорил: «Она подбегает, орет, орет, а я думаю — ну как тащить карданы, тут минимум четверых надо на каждый, а она говорит, что я не достоин жить, ХВАТАЕТ ТРИ И УБЕГАЕТ!!!»

25 АВЗ.

2005 г.

ТУРНИКЕТ

Я всегда думала, что когда окажусь в Москве, то буду жить плохо и туго.

Что приеду, выйду на перроне — на самолет у меня, конечно, денег не хватит — и стану озиаться по сторонам. Поставлю ноги упрямо, воткнусь пятками в землю и сожму губы. Для пущей острастки еще сощурю глаза. Я сразу захочу почувствовать, что этот город на меня смотрит. И будет намного легче, если он посмотрит недружелюбно. Это драматичнее, так лучше для сюжета.

На вокзале никто не встретит и совершенно некуда будет идти. Конечно, первое, что я увижу, — одна из московских высоток. Сразу захочу в метро. Срочно захочу. Потому что струшу моментально и надо будет спрятаться. Еще мне резко захочется к маме. Хотя всего три дня назад я отдираала ее от себя на перроне в другом городе и считала назойливой. Мне мама не нравилась в тот момент совершенно. И, конечно, я об этом очень пожалею.

В тех городах, где нет метро, люди многое теряют. Потому что ничто так не пахнет, как метро. Даже вокзальные станции и курица в фольге на купейном столике, которую сварили в дорогу. Нюхать метро надо растопыренными ноздрями, медленно вдыхать и чувствовать себя счастливой. Запах метро — это пот больших городов. В больших городах

душатся дорогими духами, полощут волосы кондиционерами, а мужчины мажут бритые подмышки дезодорантами. Но все равно все потеют, потому что в больших городах люди много работают. Для них даже рекламу придумали: дезодорант защищает 24 часа. Ни одному нормальному человеку в голову не придет защищаться 24 часа, потому что а зачем? Дома-то можно расслабиться. В большом городе никогда не знаешь, сколько тебе придется попотеть.

Я выйду на станции, потому что вышло полвагона. Стану идти вместе с полвагоном одинаково — так же уверенно и безразлично. Пусть не думают, что только что приехала. Жутко буду бояться проходить через турникет. Потому что как щелкнет! У турникетов такой вид, что они просто не успевают, а так бы цапнули за задницу парочку граждан. Сделаю вид, что роюсь в карманах, ищу телефон или пачку сигарет. А сама стану наблюдать, как люди ловко маневрируют между железных тумбочек. У меня не будет ни телефона, ни пачки сигарет. И уж тем более ключей от квартиры, которой тоже нет.

На фонарном столбе ветер ест объявление, что сдаётся комната.

Ее будут звать Ада Исааковна Попова. Обязательно Попова. Иванова для такого имени — это слишком. Она будет одинокой старой еврейкой с акцентом, которая сдаёт комнату, но никто не соглашается. Потому что комната маленькая, с протекшим потолком и всеми проводами наружу. Ада Исааковна будет жить в квартире с запахом. Ее кошку будут звать Маиса. Белая, полморды рыжие. Худая, с тонким хвостом и истошным голосом. Такая кошка — это обязательно. Я не люблю, когда полморды разные, просто теряюсь и не знаю, в какую часть смотреть. Такая кошка — плохо. Так драматичнее, лучше для сюжета.

Ада Исааковна будет поздно ложиться и громко смотреть телевизор. Я найду себе работу журналистом в справочнике про

строительные материалы. Ничего не понимаю в стройматериалах, но почему-то стану там работать. Это будет обшарпанная конторка, справочник арендует помещение в бывшем НИИ. У меня будут странные коллеги. Когда наступит зима и я буду говорить своему соседу по кабинету «С Новым годом!», то он ответит мне «Спасибо». Пусть меня никто не любит, так лучше для сюжета.

В своем городе я была с хорошими перспективами. Мне пророчили как минимум место в самом крупном еженедельнике края и максимум место редактора отдела новостей. А здесь мне нравится, что никто и не подозревает, какой я самородок. Чувствуешь даже превосходство над людьми — тебе ведома тайна, которая не доступна им.

...Мне ужасно горько, что никто не знает о моем самородстве.

Я сбежала из своего маленького города только потому, что там было хорошо. А мне надо, чтобы плохо. Так лучше для сюжета.

Ада Исааковна будет часто делать болтанку из яиц с батоном и солью. Она расскажет, что сидела в лагерях. Что когда из Москвы эвакуировали, то потеряла родителей на вокзале и с десяти лет по детским домам. До войны она жила в доме на Остоженке. У нее была няня. Отца посадили еще за подозрение в шпионаже. А зима в 38 была холодная. У нее будет фотография, где она совершенно неузнаваемый черно-белый пупс в пышном платье в чепце. У нее будет старый комод, на котором спит ее облезлая кошка. Мы будем болтать и она расскажет мне как-нибудь про свою первую любовь. По ее морщинам побегут слезы, я положу свою руку на ее желтую руку с синими венами, Ада Исааковна скажет, что скоро «Поле чудес» и уйдет к себе. Кошка прыгнет и поплетется следом.

Однажды в Макдоналдсе я не доем гамбургер и картошку. И тогда вдруг пойму — я москвичка. А то ведь выса-

сывала кока-колу, как дети затыгивают сопли. И слизывала соус для картошки с крышечки.

А в тот день, когда не доем гамбургер до конца, то пойму — всё. Это больше не деликатес.

Я познакомлюсь с ним случайно. Он будет из Владивостока. Я сразу почувствую, что мы на одной волне. К тому времени за статью про Аду Исааковну меня пригласят в хороший журнал, и я возьму интервью у актера Константина Хабенского. Когда наступит зима и я буду говорить своему соседу по кабинету «С Новым годом!», то он ответит мне «И тебя тож, Алесь! Ты куда едешь отдыхать?» Пусть меня к тому времени уже полюбят, должно же быть какое-то признание.

Когда я выйду получать премию Союза журналистов, то на церемонии мне станет плохо. За кулисами принесут стакан воды, я буду смущаться, что упала перед микрофоном в своем красивом платье, но пойму точно — беременная...

Он, который из Владивостока, будет кружить меня по аллее... я схвачу его за шею... люди будут смотреть, как платье красиво развевается...

И на этом месте я обычно засыпала. Лежа в кровати в городе Барнауле в 1998 году, будучи студенткой первого курса Алтайского государственного университета, слушая, как мама и собака храпят в соседней комнате, раздражаясь от этого, вертясь в постели, я часто думала, что будет, если я поеду в Москву.

Я оказалась здесь раньше, чем предполагала. У меня были деньги на самолет. Не встретила Аду Исааковну. Вообще я сразу жила хорошо и никогда не работала в строительном справочнике. Не узнала о беременности в день получения премии от Союза журналистов. У меня нет красивого платья. И я не знаю ни одного парня из Владивостока. Я работаю в кинокомпании. Ни разу не жила с кошкой, у которой разные полморды.

Пожалуй, единственное... Я действительно очень боюсь турникетов.

11 АВЗ.
2005 г.

Один раз я прочитала в книжке. У альпиниста спрашивают: «Зачем, ну зачем ты лезешь в горы? Ну какой в этом смысл?! Ну зачем? Почему?» А он ответил: «Потому что они есть». Чаще всего я не знаю, зачем?.. Или почему?..

Мне очень нравится, когда на стене дома граффити пишут «Зачем!» и «Почему!».

Это здорово, когда после вопросительного слова, требующего ответа, стоит восклицательный знак. Потому что про меня.

